

Причины распространения проституции в начале XX века в отдаленных регионах Российской империи (на примере Забайкальской области)

В начале XX в. официально осуждаемая обществом и государственной властью проституция юридически находилась в Российской империи далеко не под запретом. Занятие проституцией было разрешено, но при соблюдении некоторых правил и требований. К сожалению, юридические механизмы, разработанные государственной властью, имели ряд недоработок [21, с. 34].

В России на территории Дальнего Востока и Восточной Сибири уже с начала XIX в. законная и незаконная проституция имела высокий уровень распространения [22, с. 62–69; 29, с. 22–25; 1, с. 36–38]. Данная проблема не перестала существовать в регионе и после революционных событий 1917 г., в 20-е гг. XX в. [31, с. 317; 13, с. 3–5]. Многие исследователи Восточной Сибири отмечали, что особенное распространение проституция в конце XIX – начале XX вв. получила в Забайкалье [19, с. 38–52; 20, с. 291–297]. На территории Забайкальской области более всего это негативное явление проявилось в таких относительно крупных городах, как Нерчинск, Сретенск, Троицкосавск, Верхнеудинск (ГАЗК. Ф. 1вр. Оп. 2. Д. 1146. Л. 1–3)¹. Однако самый высокий уровень распространения проституция получила в административном центре Забайкалья. Углубленное исследование специфики функционирования проституции в Забайкальской области в начале XX в. позволило выявить ключевые факторы её массовости в административном центре региона. Во-первых, Чита была социальным центром местности, которая к тому времени уже на протяжении нескольких веков по воле государственной власти представляла собой территорию ссылки особенно деструктивного социального элемента со всей Российской империи [16, с. 43–45; 5, с. 18–19; 14, с. 318–321; 9, с. 22–28, 40–55, 62–64; 11, с. 38–58]. Влияние оказывало не только морально-нравственное состояние ссыльных, но и преобладание среди ссыльных холостяков, и разрыв браков при отправке в ссылку, и общее отсутствие расположения у ссыльных к семейной жизни. Влияло также непосредственное законодательное запрещение бродягам вступать в супружество первые пять лет, да и вообще всевозможные затруднения при вступлении в супружество для ссыльных. Немалую роль играло и нежелание местного населения вступать с супружеством со ссыльными [32, с. 205–207].

Во-вторых, существенное влияние на распространение проституции оказывали недостаточная развитость и сложность организации здесь культурного досуга. В городе, да и в регионе в целом, присутствовал некий дефицит культуры. Заведений для проведения культурного досуга в Чите практически не было. Некультурных же развлекательных заведений как законных, так и незаконных, было множество, да и работали они в удобное для местного общества время. Цены на некультурный досуг были приемлемыми. К примеру, стоимость одного посещения девушки-проститутки в доме терпимости Читы в начале XX в. составляла 50 копеек (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 32–32об, 34–35).

В-третьих, это низкий культурно-нравственный облик местных жителей, низкая образованность и недостаток просвещения. У местного общества

¹ ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края

отсутствовала не только возможность, но и умение и желание устраивать себе досуг иначе [7, с. 316-317; 24; 27; 28]. Проявлялось огрубевшее нравственное состояние социума, привычки, ценности, поведенческие шаблоны, которые во многом были сформированы опять же государственной политикой многовекового использования региона в качестве места ссылки деструктивного элемента [23, с. 169]. Разврат и страсть к кутежам в забайкальском социуме десятилетиями из поколения в поколение поощрительно воспевались в песнях и стихах, причем порой даже в колыхательных (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 7024. Л. 145, 263, 270об-271, 322; Д. 10083. Л. 6об, 172-172об) [7, с. 316-317; 8; 12; 15; 17]. Чита, находясь на краю обжитой территории и будучи частью фронтальной периферии страны, имела множество соответствующих (фронтальных) особенностей развития, отличавших её от остальной территории Российской империи. Немаловажное значение имело повышенное ощущение свободы у проживающего в этой местности социума. По оценкам исследователей истории Дальнего Востока, социум фронтальной периферии внутренне был более свободен от традиций и устоев, от сословных и религиозных условностей. Так уж сложилось, что окраины Империи не привлекали к себе степенных и благопристойных граждан [6, с. 36-47; 7, с. 316]. О многом свидетельствует и криминальная обстановка в незарегистрированных притонах и арендованных проститутками комнатах. В таких притонах представители местного населения, как правило, собирались не просто из желания удовлетворить свои интимные потребности, а для массовых гуляний и кутежей, карточных игр, сопряжённых с интимными развлечениями. Всё это не обходилось без всеобщего усиленного употребления спиртного. Поэтому, как правило, в дополнение к незаконной торговле алкоголем в незаконных "притонах разврата" постоянно совершались преступления общеуголовного характера: мошенничества (в карточных играх), пьяные ссоры и драки, кражи, грабежи и разбои (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 138). Периодически фигурировали факты употребления и распространения опиума, которые к 1915-1917 гг. встречались все чаще и чаще (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 273). В официально разрешенных и зарегистрированных государственной властью домах терпимости Читы ситуация была схожей. Здесь также постоянно наносились телесные повреждения. Пьяные посетители избивали девиц-проституток и друг друга (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10083. Л. 355об; Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 7об). Периодически в пьяных драках активное участие принимали и владельцы домов терпимости (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 32-32об, 33, 34, 35). Часто в домах терпимости Читы проститутки похищали вещи и денежные средства у посетителей (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 221об; Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 26; Д. 374. Л. 57-57об; Д. 427. Л. 17об), а посетители у проституток (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 120об, 327об). Нередко даже в зарегистрированных домах терпимости случались убийства (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 665об).

В-четвертых, существенно подстёгивала развитие проституции особая концентрация в Чите военных формирований, что было также результатом соответствующей политики государственной власти. Область нуждалась в массовом присутствии представителей военного сословия, к чему обязывали как отдаленность от центра и приграничное положение, так и особая стратегическая важность Забайкалья (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1906-1916 гг. Д. 37. Л. 18-19об, 30)². Очень крупные военные соединения в районе поселков Песчанка и Антипиха в 1908 г. в центре Читы были дополнены Штабом войск Забайкальской области, Управлением Забайкальского воинского начальника, Подвижным артиллерийским парком, Областным управлением интендантской части, Окружным артиллерийским складом, Военно-медицинским управлением, Войсковым хозяйственным правлением Забайкальского казачьего войска, 1-м Читинским Забайкальским полком, 1-м Нерчинским Забайкальским полком, 2-й Забайкальской батареей, Читинским резервным батальоном, местной военной командой и др. [4, отд. 5, с. 15].

Административный центр Забайкалья представлял собой далеко не мещанский и не мещанско-крестьянский город, как это наблюдалось в западных губерниях России. С крестьянским сословием, самым многочисленным в до-

² РГИА – Российский государственный исторический архив

революционной России, военные чины в Чите, даже без учета казачества, в начале XX в. по численности имели примерно равные позиции. Как военных, так и крестьян в Чите в среднем было по 1/3 от общего числа жителей (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 312. Л. 2-2об, 228; Ф. 26. Оп. 2. Д. 64. Л. 81об, 84) [18, с. 80–81, приложение – численность населения по сословиям с. 2–3]. Согласно заявлениям органов правопорядка Забайкальской области, существенный рост съемных комнат с девушками, занимающимися незаконной проституцией в административном центре Забайкалья, произошел в 1910–1912 гг., причём их особенно высокая концентрация наблюдалась в районах самого массового дислоцирования военных соединений Читы: в поселках Песчанка и Антипиха. Девуцы-проститутки старались селиться и организовывать притоны поближе к военным, так как усматривали в них потенциальный источник финансирования своего занятия. Военные чины, испытывая особый дефицит женского внимания, активно пользовались услугами проституток (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 419. Л. 14, 15).

Для армейского руководства Читы в начале XX в. проституция оставалась непреодолимой проблемой. В читинских притонах военные постоянно заражались венерическими заболеваниями (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 227. Л. 98об; Д. 419. Л. 14, 15). За услуги проституток офицеры и нижние военные чины нередко расплачивались не просто военным имуществом, а боевым оружием и боеприпасами (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 227. Л. 149). В незаконных "притонах разврата" и на съемных квартирах у проституток как нижние военные чины, так и офицеры, как правило, находясь в опьянении, дрались между собой, с гражданскими лицами, причиняли телесные повреждения посетителям, проституткам и сутенерам, совершали кражи и грабежи, конфликтовали с органами правопорядка (ГАЗК. Ф. 1о. Оп 1. Д. 10325. Л. 559об; Ф. 26. Оп.1. Д. 227. Л. 77-77об, 135–136 об, 145, 154).

В-пятых, существенным фактором роста спроса на услуги проституток выступал общий дефицит женского пола в городе. Именно в Чите к началу XX в. сформировалось существенное преобладание мужского населения. Причём в некоторые годы начала XX в. это преобладание было двукратным. Так, в 1907 г. в Чите мужчин проживало 49 069, а женщин – 23 272 (ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 133. Л. 113об–114). В 1908 соответственно 49 133 и 23 981 (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 312. Л. 186). В 1910 г. – 66 941 и 30 604 [18, с. 80–81, приложение – численность населения по вероисповеданию с. 1–2]. В 1911 г. – 50016 и 28 236 (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 64. Л. 81об, 84).

В-шестых, существенное влияние на распространение проституции в административном центре Забайкалья оказывало неэффективное противодействие этому явлению со стороны органов государственной власти, в том числе органов правопорядка. Законодательных норм было огромное множество [21, с. 3–4], но на практике их применение оказывалось неэффективным. С одной стороны, присутствовала коррупция. В архивных делопроизводственных материалах часто встречаются данные о коррупционных связях представителей власти и правоохранительных органов города Читы с девушками-проститутками и сутенёрами (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 139, 140). С другой стороны, в деятельности органов власти наблюдалось явное отсутствие взаимодействия и взаимопонимания на поприще борьбы с этим явлением. Характерный пример произошел в июле 1909 г., когда сотрудниками Читинского городского полицейского управления был выявлен незаконный притон для занятия проституцией, который был организован жителем Читы Егором Тараторкиным в доме Брикмана по улице Амурской. Было установлено, что в притоне на протяжении длительного времени оказывали незаконные интимные услуги две девушки, которые к тому же страдали венерическими заболеваниями. Тараторкин грамотно конспирировал свою деятельность, что позволяло ему долгое время уходить от ответственности. Ценой неимоверных усилий сотрудникам Читинской полиции все же удалось собрать доказательства в отношении противоправной деятельности Тараторкина. Однако в соответствии с приговором мирового судьи от 8 июля 1909 г., Тараторкин по ст. 44 "Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями" был приговорен к штрафу в размере пяти рублей и к одному дню ареста (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 78) [30, с. 140–143].

В 1915–1916 гг. органами правопорядка гораздо чаще стали регистрироваться факты функционирования незаконной проституции в Чите (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 227. Л. 131, 135, 135 об, 136, 136 об, 145, 154). Среди всего прочего огромное влияние на рост читинской проституции в это время оказали экстренные меры, предпринятые государственной властью в связи с вступлением России в Первую мировую войну и некоторыми удачами на фронте в первые месяцы войны Российских вооруженных сил. В результате эффективных военных мероприятий было взято в плен несколько тысяч иностранных военнослужащих [2, с. 229–233, 250–253; 10, т. 1. с. 328–329, 352, 373, 383]. Этим пленным государственная власть экстренно поспешила разместить подалее от линии фронта [26, с. 69–77]. В итоге уже в зимний период 1915–1916 гг. на территории Восточной Сибири и на Дальнем Востоке властью было сосредоточено 240 950 бывших военнослужащих иностранных армий. Примечательно, что самую высокую концентрацию военнопленных государственная власть организовала в Забайкалье, куда было направлено 100 200 человек, из которых наиболее крупная партия численностью в 32 500 человек была размещена в городе Чите [25, с. 517]. В результате местный мужской контингент пополнился ещё и иностранным, который вдали от родных мест также оказался обделенным женским вниманием.

Тяжелые условия военного времени, сопряженные как с ограниченными возможностями заработка в слабо развитом Забайкалье, так и с отсутствием должного контроля за военнопленными и местами их дислоцирования со стороны уполномоченных на то органов (ГАЗК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 20, 31, 45, 85, 101), подталкивали многих девушек (как не промышлявших проституцией до войны, так и занимавшихся этой сферой услуг ранее) вступать с пленными в интимные отношения за денежную плату. Одни девушки приводили военнопленных в своё жильё (ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 427. Л. 26об), другие девицы без особой сложности проникали непосредственно в места дислокации военнопленных, а это, как правило, были воинские части. Характерно, что и воинские чины Российской армии за вознаграждение нередко сами приводили девушек к военнопленным (ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 61. Л. 12, 14, 196, 196об, 249; Ф. 26. Оп. 1. Д. 427. Л. 26об) [3, с. 328].

Таким образом, формирование высокого уровня проституции в административном центре Забайкалья в начале XX в. было предопределено социально-демографическими особенностями исторического развития региона, культурно-нравственным состоянием местного социума. Влияние на них во многом оказала многолетняя государственная политика ссылки в Забайкалье деструктивного элемента. Существенное влияние также оказывало и сосредоточение на территории города органами государственной власти очень многочисленного контингента военных, а к 1915–1917 гг. — ещё и военнопленных иностранных армий.

Литература

1. Агапов В. Л. Полицейские, проститутки и газетчики: служебные будни Никольск-уссурийской полиции накануне Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 36–54.
2. Агеев А. И., Аргамошин С. В., Буранок С. О. [и др.]. Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. 880 с.
3. Вестник полиции. 1916. № 11. С. 328.
4. Весь Иркутск с отделом Забайкальской области. Адресно-справочная и торгово-промышленная книга на 1908 г. (1-й год издания) / изд. Е. Р. Бендер. Иркутск: Электро-типография С. А. Серебрянникова, 1908. 345 с.
5. Волочаева А. В. Нерчинская уголовная каторга во второй половине XIX века. Автореф. дис. на соиск. ... канд. ист. наук. Улан-Уде, 2009. 22 с.
6. Дударенок С. М., Сердюк М. Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока России между двумя революциями (1905–1917 гг.) // Дальний Восток России на перекрестке эпох. Сборник научных трудов Всероссийского круглого стола, посвященного 111-летию Первой русской революции и 110-летию открытия Первой Государственной думы. / редколл. Ф. Е. Ажимов [и др.], отв. ред. С. М. Дударенок, М. А. Тулигович. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 36–47.
7. Дударёнок С. М. Религиозная составляющая Дальневосточного фронта // Труды IV Конгресса российских исследователей религии. Религия как фактор взаи-

модействия цивилизаций: сборник докладов / ред. А. П. Забияко, М. М. Шахнович, Е. А. Аринина, П. К. Дашковского [и др.]. Благовещенск: АГУ, 2018. С. 314–323.

8. Записки веселого человека // Восточная заря. 15.11.1909. № 173. С. 3.

9. Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880-1920-е гг.). Иркутск: Отгиск, 2012. 299 с.

10. История Первой мировой войны: 1914-1918. В 2 т. / под ред. И. И. Ростунова. М: Наука, 1975. Том 2.

11. Колесников А. Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Изд-во Наука, 1975. С. 38–58.

12. Колыбельная песня // Голос Сибири. 21.01.1912. № 310. С. 1.

13. Кулинич Н. Г. Институт продажной любви в городах советского Дальнего Востока в 1920-е годы // ДИХИ 2016: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2016. С. 3–14.

14. Курас С. Л. Социально-экономические предпосылки ссылки в Сибирь (на примере ссыльных иудеев) // Иркутский историко-экономический ежегодник: сб. статей. - Иркутск: БГУЭиП, 2008. С. 318–321.

15. Лучший друг // Голос Сибири. 24.01.1912. № 312. С. 2.

16. Мошкина З. В. Каторга в истории Забайкалья во второй половине XIX века // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 10. С. 43–46.

17. На разные темы // Восточная заря. 27.02.1910. № 48.

18. Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита: Типография Забайкальского областного правления, 1911. 144 с., приложения и ведомости.

19. Паликова Т. В. "Торговля позором", или "заведения наслаждения": дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. М., 2009. № 2. С. 38–52;

20. Паликова Т. В., Евтехов Р. А. Полицейский надзор за организованной проституцией в забайкальских городах в конце XIX – начале XX вв. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.) Материалы международной научной конференции / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Параллель, 2017. С. 291–297.

21. Петров А. С. Законодательство Российской империи в сфере проституции и регламентационные правила этой деятельности в Чите в период 1907–1917 гг. // Вестник Забайкальского государственного университета. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2012. № 10 (89). С. 3–11.

22. Позняк Т. З. Проституция в городах Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв.: проблема контроля и неформальные практики // Тихоокеанская Россия в междоцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее. Седьмые Крушановские чтения. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2013. С. 62–69

23. Попов А. И. Город Чита. Описание, путеводитель и справочник по городу Чите, Забайкальской области, и его окрестностям. Чита: Типография т-ва М. И. Валова и И. М. Ахитовича, 1907. 326 с.

24. По пьяному делу // Голос Сибири. 06.01.1912. № 298. С. 2.

25. Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. / под общей ред. М. К. Азадовского, А. А. Ансона [и др.]. Новосибирск: Сибирское краевое издательство, 1929. Т. 1. 988 с.

26. Синиченко В. В., Изаксон Р. А. Военнопленные Первой мировой войны на русском Дальнем Востоке: история лагерного быта // Клио. 2018. № 1 (133). С. 69–77.

27. Теневые стороны деревни // Забайкальская новь. 21.02.1910. № 783. С. 3.

28. Трезвость и просветительное движение // Иркутская жизнь. 07.09.1914. № 3. С. 5.

29. Тютюник В. В. Врачебно-полицейский надзор за проституцией на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX века – 1917 год). Автореф. дис. на соиск. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 27 с.

30. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изд. 1885 г. С доп. по прод. 1885 г., с прил. мотивов и извлеч. из решений кассац. Деп-тов Сената / изд. Н. С. Таганцева. 14-е изд., доп. СПб.: Гос. тип., 1902. 437 с.

31. Шабельникова Н. А., Беляева Н. А. Исторический опыт противодействия иностранной преступности на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VIII Межд. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. 2018. С. 316–322.

32. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении // История Сибири. Первоисточники. Вып. III / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Agapov V. L. Politsejskie, prostitutki i gazetchiki: sluzhebnye budni Nikol'sk-usurijskoj politsii nakanune Pervoj mirovoj vojny // *Novyj istoricheskij vestnik*. 2016. № 1 (47). S. 36–54.
2. Ageev A. I., Artamoshin S. V., Buranok S. O. [i dr.]. *Evropa i Rossiya v ogne Pervoj mirovoj vojny. K 100-letiyu nachala vojny*. M.: INEHS, RUBIN, 2014. 880 s.
3. *Vestnik politsii*. 1916. № 11. S. 328.
4. *Ves' Irkutsk s otделom Zabajkal'skoj oblasti. Adresno-spravochnaya i torgovo-promyshlennaya kniga na 1908 g. (1-j god izdaniya)* / izd. E. R. Bender. Irkutsk: EHLetro-tipografiya S. A. Serebryannikova, 1908. 345 s.
5. Volochaeva A. V. *Nerchinskaya ugovornaya katorga vo vtoroj polovine KHIKH veka*. Avtoref. dis. na soisk. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2009. 22 s.
6. Dudarenok S. M., Serdyuk M. B. *Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii mezhdru dvumya revolyutsiyami (1905–1917 gg.)* // *Dal'nij Vostok Rossii na perekrestke ehpkoh*. Sbornik nauchnykh trudov Vserossijskogo kruglogo stola, posvyashhennogo 111-letiyu Pervoj russskoj revolyutsii i 110-letiyu otkrytiya Pervoj Gosudarstvennoj dумы. / redkoll. F. E. Azhimov [i dr.], otv. red. S. M. Dudarenok, M. A. Tuliglovich. Khabarovsk: RIO DVYUI MVD Rossii, 2017. S. 36–47.
7. Dudaryonok S. M. *Religioznaya sostavlyayushhaya Dal'nevostochnogo frontira* // *Trudy IV Kongressa rossijskikh issledovatelej religii. Religiya kak faktor vzaimodejstviya tsivilizatsij: sbornik dokladov* / red. A. P. Zabiako, M. M. SHakhnovich, E. A. Arinina, P. K. Dashkovskogo [i dr.]. Blagoveshhensk: AGU, 2018. S. 314–323.
8. *Zapiski veselogo cheloveka* // *Vostochnaya zarya*. 15.11.1909. № 173. S. 3.
9. Ivanov A. A., Kal'mina L. V., Kuras L. V. *Zabajkal'skaya periferiya na perelome ehpkoh (1880-1920-e gg.)*. Irkutsk: Ottisk, 2012. 299 s.
10. *Istoriya Pervoj mirovoj vojny: 1914-1918. V 2 t.* / pod red. I. I. Rostunova. M: Nauka, 1975. Tom 2.
11. Kolesnikov A. D. *Ssylka i zaselenie Sibiri* // *Ssylka i katorga v Sibiri (XVIII–nachalo XX v.)* / otv. red. L. M. Goryushkin. Novosibirsk: Izd-vo Nauka, 1975. S. 38–58.
12. *Kolybel'naya pesnya* // *Golos Sibiri*. 21.01.1912. № 310. S. 1.
13. Kulinich N. G. *Institut prodazhnoj lyubvi v gorodakh sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920-e gody* // *DIXI 2016: idei, gipotezy, otkrytiya v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh*. sbornik nauchnykh trudov. Khabarovskij gosudarstvennyj universitet ehkonomiki i prava. Khabarovsk, 2016. S. 3–14.
14. Kuras S. L. *Sotsial'no-ehkonomicheskie predposylki ssylki v Sibir' (na primere ssyl'nykh iudeev)* // *Irkutskij istoriko-ehkonomicheskij ezhegodnik: sb. statej.* - Irkutsk: BGUEHiP, 2008. S. 318–321.
15. *Luchshij drug* // *Golos Sibiri*. 24.01.1912. № 312. S. 2.
16. Moshkina Z. V. *Katorga v istorii Zabajkal'ya vo vtoroj polovine KHIKH veka* // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2010. № 10. S. 43–46.
17. *Na raznye temy* // *Vostochnaya zarya*. 27.02.1910. № 48.
18. *Obzor Zabajkal'skoj oblasti za 1910 god*. CHita: Tipografiya Zabajkal'skogo oblastnogo pravleniya, 1911. 144 s., prilozheniya i vedomosti.
19. Palikova T. V. *"Torgovlya pozorom", ili "zavedeniya naslazhdeniya": doma terpimosti v sotsial'no-servisnoj sfere gorodov Zabajkal'ya v nachale KHKH v.* // *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. M., 2009. № 2. S. 38–52;
20. Palikova T. V., Evtekhov R. A. *Politsejskij nadzor za organizovannoj prostitutsiej v zabajkal'skikh gorodakh v kontse KHIKH – nachale KHKH vv.* // *Aziatskaya Rossiya: problemy sotsial'no-ehkonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.) Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* / otv. red. V. A. Lamin. Novosibirsk: Parallel', 2017. S. 291–297.
21. Petrov A. S. *Zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii v sfere prostitutsii i reglamentatsionnye pravila ehtoj deyatel'nosti v CHite v period 1907–1917 gg.* // *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. CHita: Izd-vo ZabGU, 2012. № 10 (89). S. 3–11.
22. Poznyak T. Z. *Prostitutsiya v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH vv.: problema kontrolya i neformal'nye praktiki* // *Tikhookeanskaya Rossiya v mezhtsvivilizatsionnom i obshherossijskom prostranstve: proshloe, nastoyashhee, budushhee. Sed'mye Krushanovskie chteniya*. Institut istorii, arkhologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, 2013. S. 62–69
23. Popov A. I. *Gorod CHita. Opisanie, putevoditel' i spravochnik po gorodu CHite, Zabajkal'skoj oblasti, i ego okrestnostyam*. CHita: Tipografiya t-va M. I. Valova i I. M. Akhitevicha, 1907. 326 s.
24. *Po p'yanomu delu* // *Golos Sibiri*. 06.01.1912. № 298. S. 2.
25. *Sibirskaya sovetskaya ehntsiklopediya*. V 4 t. / pod obshej red. M. K. Azadovskogo, A. A. Ansona [i dr.]. Novosibirsk: Sibirskoe kraevoe izdatel'stvo, 1929. T. 1. 988 s.
26. Sinichenko V. V., Izakson R. A. *Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny na russskom Dal'nem Vostoke: istoriya lagernogo byta* // *Klio*. 2018. № 1 (133). S. 69–77.
27. *Tenevye storony derevni* // *Zabajkal'skaya nov'*. 21.02.1910. № 783. S. 3.

28. Trezvest' i prosvetitel'noe dvizhenie // Irkutskaya zhizn'. 07.09.1914. № 3. S. 5.
29. Tyutyunik V. V. Vrachebno-politsejskij nadzor za prostitutsiej na Dal'nem Vostoke Rossii (vtoraya polovina XIX veka – 1917 god). Avtoref. dis. na soisk. ... kand. ist. nauk. Khabarovsk, 2005. 27 s.
30. Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami. Izd. 1885 g. S dop. po prod. 1885 g., s pril. motivov i izvlech. iz reshenij kassats. Dep-tov Senata / izd. N. S. Tagantseva. 14-e izd., dop. SPb.: Gos. tip., 1902. 437 s.
31. SHabel'nikova N. A., Belyaeva N. A. Istoricheskij opyt protivodejstviya inostrannoj prestupnosti na Dal'nem Vostoke Rossii v 1920-e gg. // Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy VIII Mezhd. nauch.-prakt.konf. / otv. red. D. V. Buyarov, D. V. Kuznetsov. 2018. S. 316–322.
32. YAdrintsev N. M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, ehtnograficheskom i istoricheskom otnoshenii // Istoriya Sibiri. Pervoistochniki. Vyp. III / Otv. red. L. M. Goryushkin. Novosibirsk: Sibirskij khronograf, 2003. 555 s.

Петров А. С. Причины распространения проституции в начале XX века в отдаленных регионах Российской империи (на примере Забайкальской области).

В данной научной статье предпринимается попытка исследовать непомерное развитие как законной, так и незаконной проституции в Забайкальской области в начале XX века, выявляются особенности её формирования и трансформации. В статье доказывается, что массовость проституции в административном центре Забайкалья являлась последствием множества факторов. Среди основных факторов автор выделяет специфическое заселение и освоение Забайкалья, которые проводились органами власти без учета исторического прошлого региона, имели несистемный и непродуманный характер.

Ключевые слова: *Российская империя, Забайкальская область, проституция, притоны, дома терпимости, государственная политика, ссылка, военнослужащие, нижние военные чины, военнопленные, полиция, правоохранительные органы*

Petrov A. S. The reasons for the spread of prostitution in remote regions of the Russian Empire in the early XX century (on the example of the Transbaikal region).

This scientific article attempts to investigate the exorbitant development of both legal and illegal prostitution in the Trans-Baikal region at the beginning of the twentieth century, identifies features of its formation and transformation. The article proves that the mass character of prostitution in the administrative center of Transbaikalia was a consequence of many factors. Among the main factors, the author highlights the specific settlement and development of Transbaikalia, which were carried out by the authorities without taking into account the historical past of the region, had a non-systemic and ill-considered nature.

Key words: *Russian Empire, Transbaikal region, prostitution, dens, houses of tolerance, state policy, exile, military, lower military ranks, prisoners of war, police, law enforcement agencies*

Для цитирования: Петров А. С. Причины распространения проституции в начале XX века в отдаленных регионах Российской империи (на примере Забайкальской области) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 86–92. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/86-92

For citation: Petrov A. S. The reasons for the spread of prostitution in remote regions of the Russian Empire in the early XX century (on the example of the Transbaikal region) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 86–92. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/86-92

